

БОЛЬШАЯ САТА О ВЫБОРАХ,
КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ ВСЁ

Иногда
правда
стоит
дороже,
чем штраф...

ЦЕНА СВОБОДЫ

СЕЗОН 2

Толстиков

Кто-то
всегда
наблюдает.
Даже тогда,
когда ты
думаешь,
что остаёшься
одна...

РЕБЕНОК ПО РАСПИСАНИЮ

ТОМ 9
Десять тысяч
за заботу

НАДЕЖДА ПОРОШИНА

♥
СЕМЕЙНАЯ
ДРАМА

⚖
РЕАЛЬНЫЕ
ИСТОРИИ

📄
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ТРИЛЛЕР

🏠
ДОМ
КАК ВЫБОР

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ НЕ ЗАКРЫВАЕТ ГЛАЗА. ОНА ОТКРЫВАЕТ ДОМ.

Надежда Порошина
ЦЕНА СВОБОДЫ. СЕЗОН
2. Толстиков. Часть 3.
Ребенок по расписанию. Том
9. Десять тысяч за заботу

*<https://litres.ru/74571793>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Суд отменяет штраф, но исполнительное производство продолжается. Теперь каждая встреча Юли с отцом проходит под камерами, а любое отклонение от графика превращается в акт.

Когда девочка болеет отитом, Лина заранее сообщает диагноз, отправляет справки и предлагает перенести встречу. Однако Алексей приезжает за ребёнком с готовым документом о нарушении. Для пристава температура, боль и домашний режим оказываются недостаточными: мать штрафуют на десять тысяч рублей.

Чтобы доказать очевидное, Лина собирает медицинскую папку — назначения, чеки, переписку и точную последовательность событий. Суд отменяет наказание, но победа длится недолго. Алексей запускает новые проверки, а затем узнаёт о разговоре,

который мог слышать только тот, кто находился в квартире. Или внутри её ноутбука.

«Десять тысяч за заботу» — девятый том семейно-психологической саги «Цена свободы», остросюжетный роман с элементами мистики. Основано на реальных событиях.

Содержание

Глава 21. Взыскатель и должник	5
Глава 22. Пристав	61
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Надежда Порошина
ЦЕНА СВОБОДЫ.
СЕЗОН 2. Толстиков.
Часть 3. Ребенок по
расписанию. Том 9.
Десять тысяч за заботу

Глава 21. Взыскатель и должник

В постановлении было написано, что Лина обязана явиться к судебному приставу-исполнителю двадцать третьего августа в десять часов тридцать минут.

Не приглашалась.

Не могла прийти.

Не просили связаться.

Обязана явиться.

Это слово снова вернулось в её жизнь.

Раньше его произносил Алексей.

Теперь оно стояло на документе с гербом.

Лина перечитала постановление вечером, потом перед

сном и ещё раз утром. Проверила адрес подразделения, номер кабинета, фамилию пристава и перечень документов, которые следовало иметь при себе.

Паспорт.

Копию соглашения.

Документы на ребёнка.

Письменные объяснения.

Доказательства исполнения.

Последний пункт не был выделен отдельно, но Лина воспринимала его главным.

Она разложила на столе билеты, переписку, справку из полиции, фотографии, медицинские документы и распечатанные сообщения Алексея.

Павел наблюдал из дверного проёма.

— Ты всё это понесёшь?

— Да.

— А если потеряют?

— Оригиналы оставляю дома. Возьму копии.

— А билеты?

— Распечатала ещё раз.

— Фотографии тоже копии?

— Тоже.

Он подошёл к столу.

На верхней фотографии Юля стояла возле яблони в бабушкином дворе. В одной руке держала зелёное яблоко, в другой — куклу.

— Эту зачем?

— Чтобы показать, где она находилась.

— Но по фотографии нельзя понять адрес.

— Адрес указан в справке полиции.

— Тогда зачем фотография?

Лина посмотрела на снимок.

— Не знаю.

Она действительно не знала.

Возможно, хотела, чтобы среди официальных бумаг осталось доказательство того, что речь шла не о «несовершеннолетней», не о «предмете исполнения» и не о двадцати шести часах задолженности.

О ребёнке.

О девочке, стоявшей под яблоней.

— Возьми рисунок, — предложил Павел.

— Какой?

— Где Юля нарисовала нас у бабушки.

— Приставу не нужен рисунок.

— А фотография нужна?

Лина промолчала.

Он снова был прав.

Фотография тоже не имела юридического значения, если её дата и место не подтверждены. Но Лина всё равно положила её в папку.

— Рисунок останется дома, — сказала она. — Чтобы не потерялся.

Павел кивнул.

— А мы с Юлей где будем?

— Ирина придёт.

— Надолго?

— Не знаю.

— А Алексей там будет?

— Возможно.

— Почему возможно? Его тоже вызывали?

— Думаю, да.

— Он опять будет говорить, что мы пропали?

— Скорее всего.

— Скажи, что он знал адрес.

— Скажу.

— И что мы не были одни.

— Скажу.

— И что полиция приезжала.

— Это есть в справке.

— И что он отказался говорить по видео.

— Переписка тоже есть.

Павел перечислял доказательства так, словно помогал ей собираться в дорогу.

Только вместо одежды они укладывали в папку правду.

— Мам.

— Что?

— А если он принесёт свои бумаги?

— Принесёт.

— Какие?

— Акты. Видео. Переписку.

— Но там неправда.

— Там часть правды.

— Это хуже.

— Почему?

— Потому что ложь сразу видно. А часть правды выглядит как вся.

Лина закрыла папку.

— Именно поэтому я и несу остальное.

Павел смотрел на неё ещё несколько секунд.

— Ты волнуешься?

— Да.

— Пристав может забрать Юлю?

— Нет.

— Точно?

— Точно.

— А что может?

Лина посмотрела на постановление.

Предупредить.

Потребовать.

Зафиксировать.

Привлечь.

Назначить срок.

Наложить штраф.

Передать материалы дальше.

Слова были знакомыми, но их последствия пока оставались размытыми.

— Следить, чтобы мы выполняли соглашение.

— А за Алексеем она тоже будет следить?

Лина не ответила сразу.

— Должна.

— Это не ответ.

— Другого у меня пока нет.

Утром Ирина приехала раньше.

Принесла творог, хлеб и пакет яблок.

— Будто к нам пристав домой придёт, — сказала Лина.

— Я останусь с детьми. Значит, дети должны быть накормлены.

Юля услышала слово «пристав» и переспросила:

— Кто придёт?

— Никто, — сказала Лина. — Мама сама поедет.

— К врачу?

— Нет.

— К папе?

— Тоже нет.

— Тогда куда?

Лина застегнула папку.

— В одно учреждение.

— Там дети?

— Нет.

— Игрушки?

— Нет.

— Тогда зачем туда ехать?

Ирина отвернулась к холодильнику, скрывая улыбку.

— Очень хороший вопрос, — сказала она.

Юля потянулась к синей папке.

— Это моё?

— Здесь документы про тебя.

— Я возьму.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что мама должна показать их взрослой женщине.

— Она не знает меня?

— Не знает.

— Тогда я сама покажу.

Лина присела перед дочерью.

— Сегодня не нужно.

— А папа будет?

— Возможно.

Юля задумалась.

— Он меня покажет?

— Что?

— Женщине.

Лина почувствовала, как внутри что-то сжалось.

— Он покажет документы.

— А я где?

— Ты останешься дома.

Юля потеряла интерес и побежала к игрушкам.

Ирина тихо спросила:

— Ты записывать будешь?

— Не знаю, разрешат ли.

— Включи хотя бы диктофон в сумке.

— Я не хочу начинать разговор как тайную операцию.

— Он уже приложил свои записи.

— Это другое.

— Чем?

Лина не нашла ответа.

Раньше она считала запись вторжением.

Потом — защитой.

Теперь она не понимала, где проходит граница между фиксацией и жизнью.

— Телефон положу на стол, — сказала она. — Если запретят, выключу.

— Хорошо.

— Папка здесь. Копии отдельно. Оригиналы отдельно.

— Проверила, чтобы в копиях не было нового адреса?

Лина замерла.

Она просмотрела документы ещё раз.

На билете адреса не было.

В переписке упоминался только дом бабушки.

В справке полиции адрес стоял полностью.

— Он и так знает адрес мамы.

— Я не про Алексея. Эти бумаги будут в исполнительном производстве. С материалами могут знакомиться разные люди.

— Скрывать адрес от пристава бессмысленно.

— Не скрывать. Просто понимать, что оставляешь.

Лина вынула копию паспорта бабушки, которую положила по привычке.

— Эту не понесу.

— Правильно.

— Как будто я собираю не доказательства, а отдаю им куски нашей жизни.

— Поэтому отдавай только нужное.

Лина посмотрела на фотографию Юли под яблоней.

Хотела убрать.

Но оставила.

Подразделение судебных приставов находилось на первом этаже старого административного здания.

Возле входа стояли люди.

Кто-то курил.

Мужчина в рабочей одежде разговаривал по телефону:

— Я им уже платил. Пусть сначала найдут перевод.

Женщина с ребёнком листала документы.

Пожилой человек пытался разобраться в электронной очереди.

Над дверью висела выцветшая табличка.

Лина приехала за двадцать минут.

Вошла.

Предъявила паспорт.

Записалась у охранника.

Поднялась по лестнице.

Коридор оказался узким. Вдоль стены стояли пластиковые стулья. На дверях — фамилии приставов и номера кабинетов.

Перед кабинетом Елены Викторовны сидели трое.

Лина заняла свободное место.

Папку положила на колени.

Телефон показывал десять часов двенадцать минут.

Из-за двери доносились голоса.

Сначала женский.

Потом мужской.

Знакомый.

Лина выпрямилась.

Говорил Алексей.

Слов разобрать не удавалось, но интонацию она узнала сразу.

Спокойную.

Уверенную.

Почти дружескую.

Через несколько секунд пристав рассмеялась.

Не громко.

Так смеются над понятным замечанием человека, с которым разговор уже сложился.

— Да я понимаю, Александр Леонидович, — донеслось из кабинета. — Но вы тоже нас заваливать не должны. Давайте по каждому случаю отдельно.

— Так я потому и принёс всё по датам.

— Это правильно. Сейчас посмотрим.

Лина взглянула на часы.

Его приём уже шёл.

Её вызвали на половину одиннадцатого.

Возможно, Алексея назначили раньше.

Возможно, он пришёл без записи.

Возможно, ничего необычного не происходило.

Она попыталась не делать выводов.

Дверь открылась в десять двадцать семь.

Алексей вышел с тонкой чёрной папкой.

Увидев Лину, остановился.

— Приехала всё-таки.

— Меня вызвали.

— Меня тоже.

Он не ушёл.

Встал возле окна и начал листать телефон.

Пристав выглянула из кабинета.

Женщина лет сорока пяти, короткие светлые волосы,

строгая блузка, очки в тонкой оправе.

— Порошина?

— Да.

— Заходите.

Лина поднялась.

— А я? — спросил Алексей.

— Вы тоже оставайтесь. Чтобы два раза одно и то же не обсуждать.

Он вошёл следом.

Кабинет был маленьким.

Два стола.

Шкафы с папками.

Принтер.

Герб на стене.

На подоконнике стоял кактус в красном горшке.

За вторым столом никого не было.

Елена Викторовна села перед монитором.

Алексею указала на стул справа.

Лине — на стул у двери.

— Так, — сказала пристав, открывая программу. — Исполнительное производство в отношении Порошиной Лины Андреевны. Взыскатель — Толстиков Алексей Сергеевич. Предмет исполнения — порядок общения с несовершеннолетним ребёнком.

Она произнесла это без выражения.

Просто зачитала строки.

Но каждое слово будто заняло своё место в комнате.

В отношении Лины.

Взыскатель — Алексей.

Предмет исполнения — порядок общения.

— Сначала выясним, почему решение суда не исполняется, — продолжила Елена Викторовна.

— Оно исполняется, — сказала Лина.

Пристав подняла глаза.

— Взыскатель представил два акта об отсутствии ребёнка по месту передачи.

— В дни отпуска.

— Исполнительный документ не содержит исключения на период вашего отпуска.

— Я заранее сообщила даты поездки.

— Сообщить — не значит согласовать.

— Я предложила перенести встречи.

— Взыскатель согласился?

— Нет.

— Значит, порядок изменён не был.

Лина открыла папку.

— Потому что он отказался от всех предложенных вариантов.

— Я отказался не от вариантов, — вмешался Алексей. — Я отказался разрешать ей нарушать соглашение.

— Я не просила у тебя разрешения на поездку.

— Вот в этом и проблема.

Елена Викторовна подняла ладонь.

— Давайте по одному. Александр Сергеевич...

— Леонидович, — поправил Алексей.

— Простите. Александр Леонидович уже дал объяснения.

Сейчас я разговариваю с Линой Андреевной.

Лина заметила, что её имени пристав сначала даже не посмотрела в документе.

— У меня есть переписка, — сказала она. — Я предложила дополнительные дни до поездки и после возвращения. Предлагала видеосвязь. Он от всего отказался и написал, что специально приедет к пустой квартире, чтобы зафиксировать нарушение.

— Показывайте.

Лина достала распечатки.

Подала приставу.

Елена Викторовна взяла верхние листы.

Быстро просмотрела первую страницу.

Перевернула.

На третьей остановилась.

— Переписка очень большая.

— Потому что он много писал.

— Нужно было сделать выборку по существу.

— Я сделала. Здесь только сообщения о поездке и встречах.

— Здесь семнадцать страниц.

— Его материалы занимают девять.

Алексей усмехнулся.

— У меня всё коротко и понятно.

— Потому что ты убрал мои предложения.

— Я приложил факты.

— Нет. Ты приложил только то, что тебе выгодно.

— Я приехал по графику. Ребёнка не было. Какие ещё нужны факты?

— Нужен факт, что ты заранее знал, где она.

— Знать адрес твоей матери не значит знать, что ребёнок действительно там.

— Полиция это проверила.

— После моего заявления.

— По адресу, который ты получил до поездки.

Пристав положила распечатки на стол.

— Разговор между сторонами закончен. Здесь говорю я.

Алексей откинулся на стуле.

Лина замолчала.

— Лина Андреевна, — продолжила Елена Викторовна, — вы должны понимать: наличие билетов и уведомления не отменяет обязательность судебного акта.

— Я понимаю.

— Суд установил конкретные дни общения.

— И установил, что родители должны учитывать интересы ребёнка.

— Сейчас речь не об интересах ребёнка, а об исполнении.

Лина не сразу поверила, что услышала именно это.

— Порядок общения существует в интересах ребёнка.

— Не уходите в общие рассуждения.

— Это не общие рассуждения. Юля две недели находилась у бабушки, в безопасности. Отец знал даты, адрес и номер телефона.

— Тогда почему не обеспечили передачу?

— Потому что нас не было в городе.

— Это ваше решение.

— Да.

— Одностороннее.

— Решение поехать к моей матери с детьми я не обязана согласовывать с бывшим мужем.

— Мы не обсуждаем семейное законодательство в целом. У нас конкретный исполнительный документ.

— В котором нет запрета на поездки.

— Но есть график.

— Я предложила компенсировать дни.

— Такого понятия в судебном акте нет.

Алексей повернул голову к Лине.

В его взгляде появилось почти удовлетворение.

Он говорил ей то же самое.

Теперь его слова произносил другой человек.

За государственным столом.

— Тогда почему его таблица называется расчётом задол-

женности? — спросила Лина.

Пристав посмотрела на Алексея.

— Какая таблица?

Он достал лист.

— Я посчитал фактически непредоставленное время. Для понимания объёма.

— В соглашении нет понятия задолженности по часам, — сказала Лина.

— Это вы сейчас юриста изображаете? — спросила Елена Викторовна.

— Нет. Повторяю ваши слова. Если компенсации не существует, то и задолженности быть не может.

В кабинете стало тихо.

Алексей перестал улыбаться.

Пристав сняла очки.

— Не нужно ловить меня на словах.

— Я не ловлю. Я хочу понять правила.

— Правила написаны в исполнительном документе.

— Я их читаю. Но сейчас вы говорите, что перенос невозможен без согласия Алексея. Он может не соглашаться ни на одну дату, а затем требовать наказания. Как тогда ребёнку ездить к родственникам?

— Нужно договариваться.

— Я пыталась.

— Значит, плохо пытались.

Эта фраза прозвучала слишком легко.

Будто пристав обсуждала не письменные отказы, а Лину неспособность подобрать правильную интонацию.

— Каким образом нужно было пытаться лучше? — спросила она.

Елена Викторовна снова надела очки.

— Я не семейный психолог.

— Тогда оценивайте переписку.

— Оценю.

— Полностью?

— Все документы будут изучены.

— Вы прочитали его заявление до моего прихода.

— Потому что оно поступило раньше.

Вот оно.

Не признание предвзятости.

Не нарушение.

Простой порядок.

Первым поступило его заявление.

Первой была прочитана его версия.

На её основе открыли производство.

Сформулировали вопросы.

Назначили роли.

Теперь Лина могла только возражать.

— Я хочу передать письменные объяснения, — сказала она.

— Передавайте.

Она достала подготовленный документ.

На первой странице стоял заголовок:

Объяснения по обстоятельствам исполнения порядка общения с ребёнком.

Елена Викторовна посмотрела на объём.

— Двенадцать страниц?

— С приложениями.

— Сам текст сколько?

— Четыре.

— Можно было изложить короче.

— Можно. Но тогда получится как у него.

Алексей повернулся:

— Что это значит?

— Что исчезнет половина событий.

Пристав взяла объяснения.

— Копия есть?

— Да.

— На вашей поставлю отметку.

Она открыла штамп.

Прижала к синей подушечке.

Поставила на первой странице копии.

Звук оказался неожиданно громким.

Лина вздрогнула.

Обычный канцелярский удар.

Но в нём было что-то окончательное.

Документ существовал и раньше.

Теперь государство подтвердило, что его приняло.

— Дальше, — сказала Елена Викторовна. — Билеты.

Лина передала копии.

— Переписка.

— Здесь.

— Справка из полиции.

Лина достала полный текст.

— Обратите внимание на вторую строку. Там указано, что ребёнок находился по адресу, ранее сообщённому отцу.

Пристав прочитала.

— Вижу.

— В материалах Алексея этой строки нет.

— Я ничего не вырезал, — сказал он.

— Ты приложил снимок только верхней части.

— Потому что нижняя не относится к делу.

— Она полностью меняет смысл.

— Местонахождение установила полиция. Это факт.

— По известному тебе адресу.

— Я не обязан был тебе верить.

— Но потребовал искать ребёнка там, где знал, что он находится.

— Я попросил проверить.

— И после проверки продолжил писать, что она была найдена.

— Она и была найдена.

— Она не терялась.

— Для меня терялась.

Лина посмотрела на пристава.

— Вы слышите?

— Я слышу обе стороны.

— Нет. Он только что сказал, что знал адрес, но всё равно считал ребёнка пропавшим, потому что не мог сам его проверить.

— Я сказал не это, — возразил Алексей.

— Запись ведётся? — спросила Лина.

Елена Викторовна указала на компьютер.

— Приём не является судебным заседанием.

— Тогда я включу диктофон.

— Зачем?

— Чтобы потом не спорить, кто что сказал.

Пристав нахмурилась.

— Вы собираетесь записывать меня?

— Разговор по исполнительному производству.

— Нужно было предупредить заранее.

— Я предупреждаю сейчас.

Алексей усмехнулся:

— Она всё записывает. Это у неё уже болезнь.

Лина достала телефон.

Положила на стол.

— Ты тоже записываешь передачи ребёнка.

— Для доказательств.

— Я — тоже.

Елена Викторовна посмотрела сначала на телефон, потом

на Лину.

— Хорошо. Но персональные данные других производств и посетителей фиксировать запрещено. Записываете только свой приём.

— Хорошо.

Лина включила диктофон.

На экране появилась красная линия.

Она вспомнила машину второго декабря.

Телефон Алексея.

Собственный диктофон в кармане.

Красная линия всегда означала одно и то же:

кто-то заранее не верит, что словам позволят остаться такими, какими они были произнесены.

— Продолжайте, — сказала она.

Пристав поджала губы.

— Продолжим. Вы признаёте, что шестого и тринадцатого августа ребёнок по месту передачи отсутствовал?

— Да.

Алексей посмотрел на неё.

Вероятно, ожидал оправданий.

— Признаёте факт неисполнения?

— Нет.

— Как это?

— Я признаю, что нас не было у квартиры. Но не признаю, что умышленно препятствовала общению.

— Ребёнок передан не был.

— Потому что находился в поездке, о которой отец знал заранее. Я предложила другие даты и видеосвязь.

— То есть факт непередачи признаёте?

— Факт отсутствия — да. Вашу оценку причины — нет. Елена Викторовна начала печатать.

Лина видела движение пальцев, но не текст.

— Что вы записываете?

— Ваше объяснение.

— Можно прочесть?

— Когда закончу.

— Прошу указать, что я заранее уведомила отца, предложила перенос и сообщила адрес.

— Это есть в ваших письменных объяснениях.

— Но будет ли в протоколе?

— Здесь не протокол.

— Тогда в вашей записи.

Пристав перестала печатать.

— Лина Андреевна, вы собираетесь учить меня работать?

— Нет. Я пытаюсь не допустить, чтобы осталось только: «Факт непередачи признаёт».

Елена Викторовна внимательно посмотрела на неё.

— Вы очень конфликтно настроены.

— Я принесла документы.

— И спорите по каждой фразе.

— Потому что каждая фраза потом становится документом.

— Если бы вы исполняли соглашение, спорить бы не пришлось.

В комнате снова стало тихо.

Алексей опустил взгляд, скрывая выражение лица.

Лина почувствовала, как знакомая ловушка закрывается.

Если она молчит — соглашается.

Если возражает — конфликтна.

Если подробно объясняет — затягивает.

Если отвечает коротко — признаёт формулировку.

Любая реакция могла быть названа неправильной.

— Прошу приобщить документы, — сказала она.

Не громко.

Без объяснений.

Елена Викторовна взяла бумаги.

— Приобщим.

— И выдать мне копию описи.

— У нас нет обязанности составлять отдельную опись каждого вашего листа.

— Тогда поставьте отметку на моём перечне приложений.

— Оставляйте.

Лина передала два экземпляра.

Пристав подписала один и поставила дату.

— Ещё что-то?

— Да. Прошу письменно разъяснить, на каком основании в заявлении Алексея используется понятие «задолженность по времени общения».

— Это его формулировка.

— Но таблица находится в материалах производства.

— Любая сторона вправе представлять документы.

— Значит ли это, что пристав признал задолженность?

— Нет.

Лина включила экран телефона, проверяя, идёт ли запись.

Красная линия двигалась.

— Хорошо. Тогда прошу зафиксировать, что задолженность по часам приставом не устанавливалась.

— Я только что это сказала.

— Именно поэтому прошу зафиксировать.

Елена Викторовна тяжело выдохнула.

— Напишите ходатайство.

— Напишу.

Алексей вмешался:

— А как тогда вернуть пропущенное время?

— Договаривайтесь, — ответила пристав.

— Она не договаривается.

— Я предложила четыре дополнительных дня.

— После того как уже всё нарушила.

— Ты отказался от них.

— Потому что они были неудобны.

— Значит, тебе нужны были не встречи.

— А что?

— Нарушение.

— Опять фантазии.

— Ты сам написал: «Приеду и зафиксирую».

— Потому что ты заранее сообщила, что нарушишь график.

— Я заранее сообщила о поездке.

— Одно и то же.

— Нет.

— Для исполнительного производства — одно, — сказал Алексей.

Он произнёс это уверенно.

Как будто уже знал ответ.

Лина посмотрела на Елену Викторовну.

Пристав не поправила его.

— Я хочу задать вопрос, — сказала Лина. — Если ребёнок заболит в день встречи, я тоже обязана передать его?

— Давайте не будем обсуждать гипотетические ситуации.

— Это не совсем гипотетическая ситуация. Дети болеют.

— Предоставите медицинские документы.

— И тогда передача не состоится без нарушения?

Елена Викторовна положила ручку.

— Всё зависит от обстоятельств.

— От каких?

— От состояния ребёнка, назначений врача, своевременности уведомления взыскателя.

— То есть болезнь может быть уважительной причиной?

— Может.

Алексей повернулся к приставу.

— А если она будет брать справки каждый раз?

— Тогда вы вправе проверять обстоятельства и обращаться к нам.

— Я и буду.

Он сказал это, глядя на Лину.

Не пристаю.

Не в пустоту.

Ей.

Как обещание.

— А если справка настоящая? — спросила Лина.

— Почему она должна быть ненастоящая? — ответила Елена Викторовна.

— Потому что он уже заранее говорит, что будет проверять каждую.

— Добросовестному человеку нечего бояться проверки.

Лина почувствовала, как эта фраза входит в неё холодом.

Камеры тоже устанавливались для безопасности.

Телефон проверялся потому, что честному человеку нечего скрывать.

Деньги требовалось показать, если она не виновата.

Теперь медицинские документы будущей болезни заранее объявлялись объектом проверки.

— Получается, — сказала она, — я должна не только лечить ребёнка, но и доказывать, что лечу его не ради срыва встречи?

— Вы снова преувеличиваете.

— Нет. Я уточняю.

— Ваша обязанность — соблюдать исполнительный документ.

— А моя обязанность защищать здоровье дочери?

— Одно другому не противоречит.

— Пока даты не совпали.

Елена Викторовна посмотрела на часы.

— У нас ограничено время приёма.

Следующий человек за дверью кашлянул.

Лина поняла: разговор закончен не потому, что появились ответы.

Потому что истекли минуты.

— Какие действия будут дальше? — спросила она.

— Вы предупреждаетесь о необходимости исполнять порядок общения. При повторных нарушениях взыскатель вправе обращаться с заявлениями. Мы будем проводить проверку и при наличии оснований принимать меры.

— Какие меры?

— Предусмотренные законом.

— Штраф?

— В том числе.

— За каждую непередачу?

— За каждый установленный факт неисполнения.

— Даже если причина уважительная?

— Уважительность причины оценивается отдельно.

— Кем?

— Судебным приставом-исполнителем.

Лина посмотрела на женщину напротив.

Вот кто теперь будет решать, достаточно ли сильно болела Юля.

Достаточно ли заранее Лина предупредила.

Достаточно ли убедительно объяснила.

Достаточно ли правильно попросила Алексея перенести встречу.

Чужой человек, который впервые увидел её двадцать минут назад.

Человек, уже прочитавший заявление Алексея.

— Я могу получить копии всех материалов? — спросила Лина.

— Подавайте заявление на ознакомление.

— Сегодня?

— Можете сегодня.

— Когда знакомят?

— В установленный срок.

— Конкретно?

— Вам сообщат.

— Можно сейчас сфотографировать заявление Алексея?

— Сейчас нет. У меня следующий посетитель.

Алексею дали время до её приёма.

Ей отказали из-за следующего человека.

Каждое отдельное действие можно было объяснить.

Расписанием.

Очередью.

Занятостью.

Порядком работы.

Но вместе они складывались в знакомое ощущение: он уже внутри, а она всё ещё просит разрешения войти.

Лина выключила диктофон.

Красная линия остановилась.

— Ещё вопрос, — сказала Елена Викторовна. — Фактический адрес проживания ребёнка совпадает с адресом регистрации?

Лина напряглась.

— Нет.

— Укажите фактический адрес.

— Зачем?

— Для материалов производства.

— Алексей получит к ним доступ?

— Он является стороной исполнительного производства.

— Тогда адрес сообщу отдельно с просьбой ограничить ознакомление в этой части.

— У нас не секретное производство.

— Он преследовал нас после ухода.

— Это подтверждено?

— У меня есть запись разговора второго декабря и сообщения, в которых он обещал найти адрес.

— Обращались в полицию?

— Тогда нет.

— Значит, факта преследования не установлено.

Алексей усмехнулся.

— Потому что его никто не проверял, — сказала Лина.

— Не нужно превращать исполнительное производство в разбирательство ваших семейных отношений.

— Мой адрес не относится к порядку передачи ребёнка. Место передачи указано в соглашении отдельно.

— Пристав должен знать, где находится должник.

— Мои контактные данные у вас есть.

— Адрес предоставьте письменно.

— Без передачи взыскателю.

— Я не могу обещать вам ограничения, не предусмотренные процедурой.

Лина застегнула папку.

— Тогда сначала подам письменное заявление.

Елена Викторовна посмотрела на неё с раздражением.

— Вы всё усложняете.

— Я защищаю место, где живут мои дети.

— От их отца?

— От человека, который сказал, что всё равно нас найдёт.

— Я такого не говорил, — произнёс Алексей.

Лина повернулась к нему.

— Это записано.

— Ты всё вырвала из контекста.

— Какой контекст меняет слова «я всё равно найду»?

— Я говорил о дочери.

— Я живу вместе с ней.

— Поэтому и не можешь скрывать адрес.

— Вот именно поэтому скрываю.

Пристав поднялась.

— Всё. Приём окончен. Лина Андреевна, письменное предупреждение получите у секретаря. Александр Леонидович, если появятся новые факты неисполнения, подавайте заявление с подтверждающими материалами.

— Какими именно? — спросил он.

— Дата, время, место. Видео, свидетели, переписка. Чтобы мы не собирали всё за вас.

— Понял.

Лина тоже поняла.

Ему только что объяснили, как оформлять следующие обвинения.

— А мне что собирать? — спросила она.

Елена Викторовна посмотрела на неё.

— Доказательства исполнения.

— Каждый раз?

— Если возникает спор — да.

— Видео передачи ребёнка?

— Можете вести.

— Свидетелей?

— По возможности.

— Фиксировать время?

— Желательно.

— Значит, теперь каждая встреча должна проходить под камерой?

— Это ваше решение.

Нет.

Не её.

Но спорить Лина больше не стала.

Она взяла папку.

Вышла.

В коридоре стало больше людей.

Пожилой мужчина держал квитанции.

Женщина с ребёнком тихо ругалась по телефону.

Кто-то спрашивал, куда подать жалобу.

Лина подошла к секретарю и получила предупреждение.

В нём говорилось:

**Должник предупреждён о необходимости исполнения требований исполнительного документа и воз-
можной ответственности за их неисполнение.**

Она расписалась только в получении.

Рядом с подписью написала:

**С содержанием в части признания нарушения не
согласна. Письменные объяснения представлены.**

Секретарь прочитала.

— Зачем вы это написали?

— Чтобы потом не сказали, что я согласилась.

— Вы расписываетесь только за получение.

— Тогда моя запись ничему не мешает.

Женщина пожала плечами.

Поставила дату.

Алексей ждал у выхода.

Лина прошла мимо.

Он догнал её на лестнице.

— Ну что, теперь понятно?

— Что именно?

— Что соглашение нужно исполнять.

— Я его исполняю.

— Два раза ребёнка не передала.

— Во время заранее объявленного отпуска.

— Пристав тебе всё объяснила.

— Она приняла мои документы.

— И предупредила об ответственности.

— Тебя о чём предупредила?

Алексей остановился на ступеньке.

— А меня за что?

— Например, за отказ от всех предложенных переносов.

За ложное заявление о неизвестном местонахождении. За использование ребёнка для давления.

— Этого в исполнительном листе нет.

— Вот именно.

Он улыбнулся.

Не широко.

Скорее удовлетворённо.

— Ты сама подписала соглашение.

— Под давлением.

— Докажи.

— Докажу.

— Кому? Приставу?

— Если понадобится — суду.

— Опять ты со мной воюешь.

— Я защищаюсь.

— От отца своего ребёнка.

— Нет. От твоих способов быть отцом.

Алексей спустился на одну ступеньку ниже и оказался ближе.

Лина отступила к перилам.

— Не подходи.

— Я тебя не трогаю.

— Тогда стой там.

Люди в коридоре проходили мимо.

Он не мог закрыть дверь.

Не мог заблокировать машину.

Не мог схватить её за рукав так, чтобы никто не увидел.

Поэтому говорил тихо.

— Если будешь делать всё по графику, никаких проблем не будет.

— Проблемы уже есть.

— Потому что ты сопротивляешься.

— Чему?

— Нормальному общению ребёнка с отцом.

— Нормальное общение не требует приставов, полиции и актов возле пустой квартиры.

— Это ты довела до приставов.

— Заявление подал ты.

— Потому что другого способа заставить тебя соблюдать договорённость нет.

— Соглашение.

— Какая разница?

— Договорённость предполагает согласие.

— Ты подписала.

— Я знаю.

— Тогда поздно рассказывать, что не согласна.

Он спустился к выходу.

Открыл дверь.

На улице стояла его машина.

На лобовом стекле — камера.

Красный индикатор был выключен.

Или Лина не видела его при дневном свете.

— Следующая встреча по графику, — сказал Алексей. —
Без переносов.

— Если Юля здорова и ты трезвый.

Его лицо изменилось.

— Опять начинаешь.

— Это постоянное условие.

— В соглашении такого нет.

— Ребёнка нельзя передавать пьяному человеку независимо от соглашения.

— Доказывать будешь приставу.

Он сел в машину.

Завёл двигатель.

Перед тем как закрыть дверь, добавил:

— А я теперь всё буду фиксировать.

Лина смотрела, как он уезжает.

Не угрозу.

Инструкцию.

Он только что получил её в кабинете.

Дата.

Время.

Место.

Видео.

Свидетели.

Переписка.

Раньше Алексей записывал, чтобы контролировать её.

Теперь записи должны были контролировать исполнение.

Смысл изменился официально.

Назначение осталось прежним.

Лина не сразу поехала домой.

Села на лавку возле здания.

Достала телефон.

Проверила запись.

Голоса были слышны.

Где-то громче.

Где-то тише.

Но главные фразы сохранились.

Взыскатель представил акты.

Исполнительный документ не содержит исключения на период отпуска.

Добросовестному человеку нечего бояться проверки.

При повторных нарушениях будут приниматься меры.

Дата, время, место. Видео, свидетели, переписка.

Лина сохранила файл.

Назвала:

Первый приём у пристава.

Потом открыла заметки.

Написала:

Алексей был в кабинете до назначенного мне времени. Разговор с приставом проходил в свободном тоне. Его заявление изучено заранее. Мои документы пристав назвала слишком объёмными.

Остановилась.

Фраза про свободный тон звучала мелочно.

Смех ничего не доказывал.

Обращение по имени и отчеству — тоже.

Возможно, пристав разговаривала так со всеми.

Возможно, Лина замечала каждую деталь потому, что уже не доверяла никому.

Она стёрла предложение про смех.

Оставила только факты:

Алексей принят до меня. При моём входе находился в кабинете. Его объяснения уже получены. Мне отказано в немедленном ознакомлении с материалами по причине окончания времени приёма. Подано заявление на ознакомление.

Так было точнее.

Так можно было подтвердить.

Лина училась отделять ощущение от доказательства.

Ощущение говорило: они уже договорились.

Доказательство говорило: его приняли раньше, выслушали первым и объяснили, как фиксировать новые эпизоды.

Пока этого было достаточно.

Дома Юля выбежала в прихожую.

— Мама!

Лина присела и обняла её.

Девочка пахла яблоком и детским шампунем.

— Ты показала меня?

— Показала документы.

— А фотографию?

— Да.

— Женщина сказала, что я красивая?

Лина закрыла глаза.

Пристав даже не посмотрела на снимок.

Только положила его к другим приложениям.

— Не сказала.

— Почему?

— Она работала.

Юля разочарованно нахмурилась.

— Покажи ещё раз.

Лина достала фотографию.

На ней стоял входящий штамп.

Синий прямоугольник попал на нижний край снимка.

Не закрыл Юлю.

Только часть травы возле её ног.

— Здесь печать, — сказал Павел.

Он подошёл ближе.

— Да.

— Зачем на фотографии?

— Она была в приложениях.

— Теперь это доказательство?

— Теперь подтверждено, что фотографию приняли.

— А что она доказывает?

Лина смотрела на Юлю под яблоней.

— Что мы были у бабушки.

— Они и так знают.

— Знают.

— Тогда зачем печать?

Лина убрала снимок в папку.

— Чтобы потом никто не сказал, что мы не показывали.

Павел нахмурился.

— И что теперь?

— Будем выполнять график.

— Мы и раньше выполняли.

— Теперь придётся ещё и доказывать.

— Каждый раз?

— Видимо.

— Как?

— Снимать время передачи. Сохранять переписку. Если что-то меняется — сообщать письменно.

— А Алексей?

— Он будет делать то же самое.

— Но у него камера на машине.

— У нас будет телефон.

— Он может приехать, снять дверь и сказать, что нас нет.

— Мы будем ждать в назначенное время.

— А если он приедет раньше?

Лина посмотрела на сына.

До сегодняшнего дня она об этом не думала.

— Тогда на его записи будет время.

— Если он её не обрежет.

— Значит, нам нужна своя запись.

Павел сел на пуфик.

— Это уже не встреча.

— А что?

— Съёмка встречи.

Из комнаты донёсся голос Ирины:

— Чай будете?

— Да, — ответила Лина.

Она сняла куртку.

Положила папку на верхнюю полку шкафа.

Раньше там лежали зимние вещи.

Теперь — доказательства.

Вечером Алексей прислал сообщение:

Следующая встреча состоится в соответствии с графиком. Прошу обеспечить передачу ребёнка вовремя, с необходимой одеждой, питанием и лекарствами при наличии. Факт передачи будет зафиксирован.

Лина прочитала его дважды.

Тон изменился.

Исчезли заглавные буквы.

Оскорбления.

Угрозы.

Сообщение выглядело почти образцовым.

Его можно было приложить к делу.

Она ответила:

Юля будет передана в предусмотренные соглашением дату и время при условии отсутствия обстоятельств, угрожающих её здоровью и безопасности. Прошу прибыть трезвым и не управлять автомобилем после употребления алкоголя.

Три точки появились сразу.

Исчезли.

Снова появились.

Ответ пришёл через пять минут:

Не создавай заранее основания для очередного нарушения. Все твои сообщения будут переданы приставу.

Лина сделала снимок экрана.

Павел стоял рядом.

— Ты теперь всё фотографируешь?

— Почти.

— А обычные сообщения?

— Как понять, какие обычные?

Он пожал плечами.

Лина тоже не знала.

Любая фраза могла стать приложением.

Любое молчание — отказом.

Любая болезнь — подозрением.

Любой отпуск — нарушением.

Она открыла календарь.

Отметила следующую встречу.

Дата.

Время.

Место.

Ниже написала:

Начать видеозапись за пятнадцать минут.

Потом добавила:

Снять часы.

Снять состояние Юли до передачи.

Зафиксировать вещи.

Сохранить переписку.

Павел прочитал.

— А надо снять, что она поела?

— Не знаю.

— Что поспала?

— Не знаю.

— Что не плакала?

— Паша.

— Я просто спрашиваю.

Лина закрыла ежедневник.

— Не надо превращать всю её жизнь в доказательство.

— Но Алексей превратит.

— Пусть.

— Тогда ему поверят.

Она посмотрела на сына.

Сегодня он несколько раз произносил вслух то, чего она

старалась не признавать.

— Мы будем фиксировать только необходимое.

— Кто решает, что необходимое?

— Пока я.

— А потом?

Лина вспомнила кабинет.

Стол.

Герб.

Елену Викторовну.

— Потом, возможно, пристав.

Ночью Лина долго не могла уснуть.

Из кухни доносилось слабое гудение холодильника.

Юля сопела рядом.

Павел спал в своей комнате с закрытой дверью.

Лина встала проверить замки.

Первый.

Второй.

Цепочка.

Потом прошла на кухню.

Синяя папка лежала на столе.

Она достала предупреждение.

Должник предупреждён.

Раньше Лина была женой.

Матерью.

Женщиной, которая ушла.

Стороной соглашения.

Теперь стала должником.

Не потому, что взяла деньги.

Не потому, что причинила ущерб.

Не потому, что отказалась заботиться о ребёнке.

Потому что две недели провела с детьми у своей матери.

Она положила рядом акт Алексея.

Взыскатель прибыл.

Два слова.

Он приехал.

Значит, выполнил.

Она уехала.

Значит, нарушила.

Вся история умещалась в направление движения.

Он двигался к пустой двери.

Она — от неё.

И система пока считала его движение правильным.

Лина выключила свет.

В тёмном окне отразилась кухня.

Стол.

Папка.

Её собственная фигура.

И девочка в светлом платье.

Лина не вздрогнула.

Во сне девочка всегда появлялась иначе.

Теперь она стояла в отражении, хотя за спиной никого не было.

В руках держала два листа.

Один белый.

Другой чёрный.

— Какой мой? — спросила Лина.

Девочка подняла белый.

На нём было написано:

ДОЛЖНИК.

— Почему белый?

— Потому что его уже заполнили за тебя.

— А чёрный?

Девочка перевернула второй лист.

На нём белыми буквами стояло:

ВЗЫСКАТЕЛЬ.

— Почему он чёрный?

— Потому что никто не видит, что внутри.

— Что он взыскивает?

— Право.

— На ребёнка?

— На твои решения.

— Но пристав должна это понять.

— Она видит документ.

— А ребёнка?

Девочка посмотрела на закрытую дверь комнаты, где спала Юля.

— Ребёнок не помещается в исполнительное производство целиком.

— Что тогда помещается?

— Даты.

— Ещё?

— Время.

— Ещё?

— Нарушения.

— А болезнь?

Девочка медленно сложила белый лист пополам.

— Если её подтвердит врач.

— А страх?

Ещё один сгиб.

— Если его подтвердит полиция.

— А правда?

Девочка сложила бумагу снова.

Она стала маленькой.

Почти исчезла в ладони.

— Если её успеют подшить раньше, чем чужую.

— А если не успеют?

Девочка протянула ей чёрный лист.

— Тогда будешь опровергать.

Из коридора донёсся удар штампа.

Один.

Потом второй.

Потом третий.

На стенах появлялись синие печати.

ПРИНЯТО.

ПРИБОЩЕНО.

ПРЕДУПРЕЖДЕНА.

Лина проснулась на кухонном стуле.

Перед ней лежали документы.

За окном начинало светать.

Она не помнила, когда закрыла глаза.

В комнате Юля закашляла.

Один раз.

Потом ещё.

Лина сразу поднялась.

Потрогала лоб дочери.

Тёплый.

Не горячий.

Юля открыла глаза.

— Мам?

— Я здесь.

— Пить.

Лина принесла воду.

Девочка сделала несколько глотков и снова легла.

— Горло болит?

Юля покачала головой.

— Ухо?

— Нет.

— Дышать нормально?

— Мам, я спать хочу.

— Спи.

Лина укрыла её.

Осталась рядом.

Кашель мог ничего не значить.

Сухой воздух.

Неудачно повернулась.

Поперхнулась слюной.

Но после разговора с приставом любой симптом уже выглядел будущим спором.

Если Юля заболит в день встречи, Лина должна будет не только вызвать врача.

Она должна будет уведомить Алексея.

Сохранить время сообщения.

Получить справку.

Проверить формулировку диагноза.

Убедиться, что указан домашний режим.

Предложить видеосвязь.

Зафиксировать температуру.

Доказать, что болезнь существовала до отказа в передаче, а не появилась в документах после него.

Лина смотрела на спящую дочь и чувствовала, как исполнительное производство входит в детскую комнату.

Не человеком.

Не камерой.

Порядком действий.

Утром пришло новое сообщение от Алексея:

**Пристав разъяснила, что ты обязана передавать ре-
бёнка строго по графику. Надеюсь, больше цирка не
будет.**

Лина набрала:

**Пристав также разъяснила, что уважительные об-
стоятельства, включая заболевание ребёнка, подле-
жат отдельной оценке.**

Стерла.

Написала:

**Мои письменные объяснения и доказательства
приобщены к материалам производства. График бу-
дет исполняться с учётом здоровья и безопасности
Юли.**

Отправила.

Ответ:

ОПЯТЬ ОСТАВЛЯЕШЬ СЕБЕ ЛАЗЕЙКУ.

Вот оно.

Не забота.

Лазейка.

Болезнь ещё не наступила.

Но Алексей уже видел в ней будущий способ неповинове-
ния.

Лина сохранила сообщение.

Назвала снимок:

Отношение к возможной болезни до события.

На кухню вошёл Павел.

— Она заболела?

— Пока нет.

— Тогда зачем ты пишешь про болезнь?

— Потому что вчера пристав сказала, что всё зависит от обстоятельств.

— А Алексей?

Лина показала сообщение.

Павел прочитал.

— Он думает, что ты заранее придумал болезнь?

— Похоже.

— Тогда если она правда заболеет, он не поверит.

— Да.

— И пристав?

Лина посмотрела на синюю папку.

— Пристав поверит документам.

— А если врач напишет мало?

Вопрос был детским.

И совершенно точным.

— Тогда придётся собирать ещё.

Павел открыл холодильник.

Достал молоко.

— Для меня странно.

— Что?

— Когда Алексей говорит, ему сначала верят. А когда ты говоришь, тебе сначала надо принести бумагу.

Лина закрыла телефон.

— Потому что он взыскатель.

— А ты должник?

— Да.

— Но вчера вы были просто мама и папа.

— Не совсем.

— Для Юли — да.

Он налил молоко в кружку.

— А пристав знает, что эти слова меняют людей?

— Какие?

— Взыскатель и должник.

Лина посмотрела на постановление.

Возможно, пристав не думала об этом.

Для неё это были процессуальные обозначения.

Две стороны производства.

Два поля в программе.

Но Алексей вышел из кабинета человеком, которому объяснили, как правильно фиксировать нарушения.

Лина — женщиной, предупреждённой об ответственности.

Одному дали способ действия.

Другой — последствия отказа.

— Наверное, для неё это просто работа, — сказала Лина.

— А для нас?

Она подошла к окну.

Во дворе парковалась тёмная машина.

Не Алексея.

Камеры на ней не было.

Водитель вышел, взял пакет и направился к соседнему подъезду.

Обычное утро.

Обычный двор.

Обычные люди.

Только теперь Лина знала:

следующая встреча начнётся не тогда, когда Юля увидит отца.

Она начнётся раньше.

В тот момент, когда одна камера включится возле машины.

А другая — в руках матери.

Между ними останется ребёнок.

И точное время, которое каждая сторона будет сохранять для своей правды.

Лина вернулась к столу.

Открыла календарь.

Проверила дату следующей встречи.

Под ней уже стояли слова:

Снять часы.

Она добавила:

Не прекращать запись до отъезда машины.

Потом подумала и написала ещё:

Проверить фактическое время приезда.

Ей пока не было известно, зачем эта строка понадобится.

Но девочка во сне уже сложила документ в маленький чёрный квадрат.

А красная точка камеры Алексея готовилась сохранить первое доказательство, которое однажды сработает не против Лины.

Против него самого.

Глава 22. Пристав

Разрешение на ознакомление с материалами пришло через три дня.

Короткое сообщение:

Ваше заявление рассмотрено. Ознакомление с материалами исполнительного производства назначено на 26 августа с 14:00 до 15:00.

Один час.

Лина открыла уведомление в восемь утра, когда собирала Юлю в детский сад.

Девочка сидела на пуфике и пыталась надеть правый ботинок на левую ногу.

— Не получается, — сказала она.

— Потому что ботинки перепутаны.

— Они одинаковые.

— Посмотри на застёжки.

Юля сняла ботинок.

Повернула.

Сравнила.

— Этот сюда?

— Да.

— А почему сразу не сделали одинаковые?

Лина улыбнулась.

— Чтобы ногам было удобно.

— А мне неудобно.

— Когда правильно наденешь, будет удобно.

Юля задумалась над этой логикой, потом снова натянула ботинок.

На этот раз верно.

Лина смотрела на дочь и думала, как просто всё устроено у детей.

Если вещь не подходит — её переворачивают.

Если слово означает не то — спрашивают.

Если взрослый знает, как правильно, он показывает.

В исполнительном производстве всё выглядело иначе.

Неподходящую формулировку не переворачивали.

Её подшивали.

— Мам, застегни.

Лина опустила на колени.

Застегнула липучки.

— Сегодня тебя заберёт Ирина.

— А ты куда?

— Смотреть документы.

— Про меня?

— Да.

— Там опять фотография?

— Наверное.

— Та, где яблоко?

— Возможно.

— Скажи, чтобы вернули.

— Почему?

— Она моя.

Лина посмотрела на дочь.

— Хорошо. Оригинал у нас дома. У них только копия.

Юля удовлетворённо кивнула.

— Копию можно.

Она взяла маленький рюкзак.

Лина помогла надеть.

— Мам.

— Что?

— А документы умеют разговаривать?

— Нет.

— Тогда как они узнают про меня?

Лина поправила лямку.

— Из того, что в них написано.

— А если неправильно?

— Тогда мама напишет правильно.

— И они поймут?

В дверях стоял Павел.

Он уже был одет в школу и слушал.

— Не сразу, — ответил за мать.

Юля посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что взрослые сначала верят бумаге, которая пришла первой.

— А вторая хуже?

— Нет. Просто её читают потом.

Лина протянула сыну ключи.

— Не пугай её.

— Я не пугаю.

— Знаю.

— Я сказал как есть.

Он забрал ключи и вышел первым.

Юля пошла следом.

Перед тем как закрыть дверь, Лина посмотрела на ноутбук.

Он стоял на кухонном столе.

Закрытый.

Обычный.

Она взяла синюю папку и погасила свет.

К отделу приставов Лина приехала без двадцати два.

На этот раз в коридоре было тише.

Приёмные часы ещё не начались. Возле кабинетов сидели несколько человек. Кто-то заполнял заявление, положив лист на колени. Молодая женщина фотографировала стенд с образцами жалоб. Мужчина ходил вдоль стены и раздражённо повторял в телефон:

— Нет у меня этой суммы. Нет. Пусть сами считают.

Лина зарегистрировалась у охранника.

Поднялась на второй этаж.

Дверь кабинета Елены Викторовны была закрыта.

В четырнадцать ноль две она постучала.

Ответа не было.

В четырнадцать ноль пять постучала снова.

Из-за двери донеслось:

— Подождите.

Лина села.

В четырнадцать двенадцать по коридору прошёл Алексей.

Без папки.

Только с телефоном и ключами от машины.

Он увидел Лину, но не удивился.

— Тоже вызвали? — спросила она.

— Нет.

— Тогда зачем пришёл?

— По своему вопросу.

— По какому?

— Тебе обязательно всё знать?

Он подошёл к двери и постучал один раз.

Не стал ждать ответа.

Открыл.

— Елена Викторовна, можно?

— Александр Леонидович, заходите.

Лина посмотрела на часы.

Четырнадцать тринадцать.

Её время уже шло.

Алексей скрылся в кабинете.

Дверь закрылась.

Изнутри доносились голоса, но разобрать слова было трудно.

Через несколько минут Алексей рассмеялся.

Потом пристав сказала:

— Нет, так не подойдёт. Нужна дата, точное время и желательно непрерывная запись.

Лина достала телефон.

Открыла заметки.

Написала:

26 августа. 14:16. Во время назначенного мне ознакомления пристав принимает Алексея без моего присутствия. Слышна рекомендация указывать дату, точное время и прикладывать непрерывную запись.

Она не включила диктофон.

Коридор был общественным.

Мимо проходили люди.

Да и доказать, кому именно давалась рекомендация, по одной фразе было бы трудно.

В четырнадцать двадцать один дверь открылась.

Алексей вышел.

— Всё, понял, — сказал он приставу. — В следующий раз так и сделаю.

— И акт сразу составляйте, не через несколько дней.

— Хорошо.

Он повернулся к Лине.

В его взгляде не было неловкости.

— Ждёшь?

— Моё время с двух.

— Значит, опоздала.

— Я пришла заранее.

— Тогда чего сидишь?

Он прошёл мимо.

Лина поднялась.

— Алексей.

Он остановился.

— Что?

— Какой следующий раз?

— Увидишь.

— Ты уже готовишь новое нарушение?

— Я готовлюсь фиксировать то, что ты сделаешь.

— Ещё ничего не произошло.

— Произойдёт.

— Откуда ты знаешь?

Он пожал плечами.

— Потому что ты не умеешь просто исполнять.

Алексей пошёл к лестнице.

Лина смотрела ему вслед.

Раньше он ждал, когда она сделает что-то не так.

Теперь готовился заранее.

Не к встрече с дочерью.

К нарушению матери.

— Порошина, заходите, — сказала Елена Викторовна.

На столе лежала серая папка.

На корешке был приклеен белый прямоугольник с номером исполнительного производства.

Ни имени Юли.

Ни слова «ребёнок».

Только номер.

Лина села.

— У вас до трёх, — сказала пристав. — Фотографировать можно. Из дела документы не вынимать. Порядок не нарушать. Если нужны копии — подадите отдельное заявление.

— Моё время было с двух.

— Я была занята.

— Алексеем?

Елена Викторовна посмотрела на неё поверх очков.

— Взыскатель пришёл по вопросу исполнения.

— В моё время ознакомления.

— Не начинайте.

— Я просто уточняю.

— Пятнадцать минут вам добавлю.

— Спасибо.

Пристав подвинула папку.

— Расписку подпишите.

На листе было написано, что Лина предупреждена об от-

ветственности за повреждение, изъятие или изменение материалов дела.

Она подписала.

Положила телефон рядом.

Включила камеру.

— Я буду фотографировать каждую страницу.

— Фотографируйте.

— Если какие-то листы не попали в дело, можно сразу подать ходатайство?

— Через канцелярию.

— Сегодня?

— Если успеете до конца приёма.

— Я бы успела, если бы начала в два.

Пристав резко сняла очки.

— Лина Андреевна, если вы будете комментировать каждое действие, мы закончим раньше.

— Хорошо.

Лина открыла папку.

Первая страница.

Постановление о возбуждении исполнительного производства.

Вторая.

Исполнительный документ.

Третья.

Заявление Алексея.

Она начала снимать.

Каждый лист отдельно.

Сначала общий вид.

Потом ближе.

Проверяла резкость.

Переворачивала.

На пятой странице остановилась.

Фраза показалась знакомой:

Должник сознательно уклоняется от исполнения установленного порядка общения, самостоятельно изменяет даты и время встреч, скрывает местонахождение несовершеннолетнего ребёнка и создаёт препятствия взыскателю в осуществлении родительских прав.

Лина открыла на телефоне постановление пристава.

Нашла нужный абзац:

Из поступивших материалов усматривается, что должник самостоятельно изменяет установленный порядок общения, не обеспечивает нахождение несовершеннолетнего ребёнка в месте передачи и создаёт препятствия взыскателю в осуществлении родительских прав.

Не дословно.

Но почти.

Те же слова.

Та же последовательность.

Самостоятельно изменяет.

Не обеспечивает.

Создаёт препятствия.

Версия Алексея перешла в официальный документ, потеряв только эмоциональные формулировки.

— Почему в постановлении использованы его выводы? — спросила Лина.

— Какие?

Она показала две страницы.

— Вот заявление. Вот постановление. Формулировки почти одинаковые.

Елена Викторовна не подошла.

— Постановление готовится на основании заявления взыскателя и исполнительного документа.

— Но мои объяснения тогда ещё не были получены.

— Вы представили их позже.

— Получается, сначала его утверждения стали основанием производства, а теперь я должна их опровергать?

— Исполнительное производство возбуждено на основании исполнительного документа, а не потому, что я кому-то поверила.

— Тогда зачем в постановлении оценка, что я создаю препятствия?

— Это не оценка. Это содержание обращения взыскателя.

— Там не написано «по утверждению взыскателя».

Пристав встала.

Подошла.

Посмотрела на лист.

— Вырываете одну фразу.

— Я читаю её полностью.

— Ознакомление не предполагает обсуждение каждого документа.

— А когда предполагает?

— Подавайте письменные возражения.

— Я уже подала.

— Они в деле.

Лина перевернула несколько страниц.

Нашла своё объяснение.

Четыре страницы.

Штамп стоял на первой.

Следом шёл перечень приложений.

Потом билеты.

Только билеты.

Она пролистала дальше.

Справки полиции не было.

Переписки не было.

Фотографии не было.

— Где остальные приложения?

— Какие?

— Я передала справку полиции, семнадцать страниц переписки, фотографию и копии сообщений с предложениями переноса.

Елена Викторовна вернулась к столу.

— Всё, что вы передали, должно быть подшито.

— Здесь нет.

— Возможно, ещё не успели.

— Прошло три дня.

— У нас не одно производство.

— Но заявление Алексея, которое он принёс позже, уже здесь.

— Какое?

Лина перевернула страницы дальше.

После её билетов находился новый документ Алексея.

Дата подачи — вчерашняя.

Дополнительные пояснения взыскателя.

Он уже успел возразить на её объяснение.

Документ занимал пять страниц.

Приложена новая таблица.

— Вот это принято вчера и уже подшито.

— Значит, канцелярия передала.

— А мои документы где?

— Посмотрю.

— Сейчас?

— Я сказала — посмотрю.

— Моё время ознакомления заканчивается через двадцать минут.

Елена Викторовна открыла нижний ящик.

Перебрала несколько папок.

Потом стопку на краю стола.

Достала прозрачный файл.

Внутри лежала справка полиции, распечатки переписки и фотография Юли.

— Вот.

— Почему они отдельно?

— Не успели подшить.

— А если бы я сегодня не пришла?

— Подшили бы позже.

— Когда?

— Лина Андреевна.

— Я хочу понять. Постановление уже вынесено. Алексей уже подал дополнительные пояснения. Его новые документы находятся в деле. Мои доказательства три дня лежат отдельно.

— Вы обвиняете меня в предвзятости?

Вопрос прозвучал громче предыдущих.

За дверью кто-то замолчал.

Лина посмотрела на пристава.

— Я фиксирую порядок работы с документами.

— Не нужно подменять техническую задержку громкими словами.

— Я не произнесла слово «предвзятость». Его произнесли вы.

Елена Викторовна сжала губы.

— Сейчас приобщу.

Она вынула документы из файла.

Взяла дырокол.

Поочерёдно пробила листы.

Лина слышала несколько сухих ударов.

Потом пристав раскрыла металлический механизм папки и вставила документы после билетов.

Но не туда, где находился перечень приложений.

После новых пояснений Алексея.

Получалось, что его возражения появились раньше доказательств, на которые он возражал.

— Прошу подшить их в соответствии с датой поступления, — сказала Лина.

— Нумерация ещё не окончательная.

— Сейчас его пояснения идут раньше моих приложений.

— После ознакомления всё перенумеруют.

— И переставят?

— Если понадобится.

— Мне нужна отметка, что эти документы были поданы двадцать третьего августа.

— На них есть входящий штамп.

Лина посмотрела.

Штамп стоял только на первой странице справки.

На переписке — нет.

На фотографии — тоже.

— На остальных нет.

— Они указаны в перечне приложений.

— Тогда сфотографирую, как они лежат сейчас.

Она сделала несколько кадров.

Общий вид.

Справка.

Переписка.

Фотография.

Штамп.

Дата.

Елена Викторовна вернулась к компьютеру.

— Вы ведёте себя так, будто мы собираемся украсть ваши документы.

— Я веду себя так, будто один раз их уже не оказалось в деле.

— Они были у меня на столе.

— Отдельно от производства.

— Это ничего не значит.

— Надеюсь.

Лина продолжила знакомиться.

Следующим документом был акт от шестого августа.

Потом второй — от тринадцатого.

Подписи.

Фотографии закрытой двери.

Снимки экрана с исходящими звонками.

На одном из скриншотов было видно, что Алексей звонил дважды с интервалом в одну минуту.

Время — семнадцать сорок три и семнадцать сорок четыре.

Согласованное время видеосвязи было восемнадцать часов.

Лина нашла их переписку.

В материалах её не было.

Она записала номер страницы.

Дальше шла справка полиции.

Но не полная.

Та самая обрезанная копия, где выделено:

Местонахождение несовершеннолетней установлено.

Следующей строки не было.

— Вы приобщили неполную копию справки, — сказала Лина.

— Полная теперь тоже в деле.

— Но на момент возбуждения производства у вас была только эта.

— Да.

— Вы запрашивали полный документ?

— Не было необходимости.

— Почему?

— Факт обращения в полицию подтверждён.

— Но причина обращения и результат проверки представлены искажённо.

— Это ваша оценка.

— В полной справке написано, что ребёнок находился по адресу, заранее сообщённому отцу.

— Я уже это видела.

— Сегодня.

— И что?

— Получается, постановление выносилось без проверки полноты материала.

Елена Викторовна развернулась к ней.

— Постановление о возбуждении производства не устанавливает вашу виновность.

— Тогда почему в нём написано, что я создаю препятствия?

— Мы уже обсуждали.

— Нет. Вы сказали подать возражения.

— Вот и подали.

Лина отметила страницу.

Сфотографировала обрезанный документ.

Потом полный.

Рядом положила линейку, чтобы было видно нижний край первого изображения.

Вера Михайловна советовала фиксировать всё так, чтобы позже можно было сравнить.

— Зачем линейка? — спросила пристав.

— Чтобы было видно, что это край листа, а не мой снимок обрезан.

— Вы готовитесь судиться со мной?

— Я готовлюсь понимать, что находится в деле.

— Очень удобно прикрываться такими формулировками.

Лина подняла голову.

— Какими?

— Будто вы просто знакомитесь. Но вы с первого дня ищите, к чему придраться.

— Я нашла документы, которые не были подшиты. Неполную справку. Формулировки из заявления, перенесённые в постановление. Что именно из этого я придумала?

— Вы создаёте конфликт там, где проводится обычная исполнительная процедура.

— Обычная для кого?

— Для всех.

— А всех взыскателей принимают без записи во время ознакомления должника?

— Александр Леонидович подошёл на пять минут.

— На девять.

— Вы засекали?

— Да.

— Вот видите.

— Что?

— Вы пришли не разобраться. Вы пришли собирать материал против пристава.

Лина выключила камеру телефона.

Положила его на стол.

— Я пришла потому, что меня называли должником и за-

явили, что я препятствую общению отца с ребёнком. Если бы документы рассматривались полностью и одинаково, мне не пришлось бы фиксировать, где лежит каждый лист.

— Я не обязана перед вами оправдываться.

— Я не прошу оправдываться.

— Тогда продолжайте молча.

Лина снова включила камеру.

Она больше не задавала вопросов.

Только снимала.

Страница за страницей.

В середине папки лежала таблица Алексея.

Расчёт задолженности по времени общения.

Шестое августа.

Тринадцатое августа.

Двадцать шесть часов.

Восемнадцатое августа.

Четыре часа частичной компенсации.

Остаток — двадцать два часа.

В правом верхнем углу стояла резолюция Елены Викторовны:

Приобщить. Учесть при проверке последующего исполнения.

Лина перечитала.

Раньше пристав сказала, что задолженность по часам не

устанавливалась.

Теперь в деле находилось указание учесть её при последующей проверке.

— Елена Викторовна.

Пристав не ответила.

Лина повторила:

— Елена Викторовна, прошу пояснить резолюцию на таблице.

— Какую?

Она подошла.

— «Учесть при проверке последующего исполнения».

— И что?

— Вы сказали, что задолженность по часам не устанавливается.

— Не устанавливается.

— Что тогда нужно учитывать?

— Общий характер поведения сторон.

— Чьего поведения?

— Обоих.

— В таблице только мои предполагаемые нарушения.

— Потому что её представил взыскатель.

— Вы указали её учитывать.

— При проверке.

— Значит, если в дальнейшем возникнет спор, вы будете считать, что у меня уже есть двадцать два часа задолженности?

— Я такого не говорила.

— Тогда прошу сделать отметку, что расчёт не проверен и не признан приставом.

— Подавайте ходатайство.

— Я подам.

— Ещё что-то?

— Да. Почему на моём предложении предоставить дополнительные дни нет резолюции «учесть»?

— Потому что это ваша переписка, а не отдельное ходатайство.

— Значит, если Алексей составляет таблицу, вы её учитываете. Если я предлагаю реальные даты, это просто переписка?

— Не передёргивайте.

— Я сравниваю документы.

— Вы сравниваете несопоставимые вещи.

— Они об одном и том же времени.

— Его документ содержит расчёт.

— Составленный им самим.

— Любая сторона вправе представлять свои расчёты.

— Тогда я представлю свой.

— Представляйте.

— В нём будет указано, что он отказался от четырёх дополнительных дней.

— Это ваше право.

— Вы его учтёте?

Елена Викторовна посмотрела на неё.

— Если он будет относиться к предмету исполнения.

Лина сделала снимок резолюции.

Потом записала номер страницы.

Всё относилось к предмету исполнения, когда исходило от Алексея.

Её документы каждый раз сначала должны были доказать, что заслуживают чтения.

Последняя часть папки содержала служебные отметки.

Запросы.

Ответы.

Уведомления.

Лина перелистывала их медленнее.

Один лист был заполнен рукой Елены Викторовны.

Взыскателю разъяснено право фиксировать каждый факт предполагаемого неисполнения с указанием даты, точного времени, места, присутствующих лиц, вести фото- и видеозапись, представлять переписку сторон.

Ниже:

Рекомендовано составлять акт непосредственно в момент события.

Дата совпадала с первым приёмом.

Лина почувствовала холод.

Вот что Алексей вынес из кабинета.

Не требование искать компромисс.

Не совет заранее связываться с матерью.

Не рекомендацию учитывать состояние ребёнка.

Инструкцию по созданию доказательств.

— Это стандартное разъяснение? — спросила она.

— Да.

— Мне его не давали.

— Вы должник.

— То есть мне не разъясняют, как фиксировать исполнение?

— Я вам устно сказала, что можете вести запись.

— После того как я сама спросила.

— И что?

— Почему взыскателю оформили письменную рекомендацию, а должнику нет?

— Потому что взыскатель обратился с вопросом.

— Я тоже задавала вопросы.

— Другие.

— Тогда задаю сейчас. Как мне подтверждать исполнение?

Елена Викторовна взяла чистый лист.

— Фиксируйте передачу ребёнка. Дату, время, место. Можете вести видео. При наличии свидетелей указывайте их данные. Сохраняйте переписку.

— Оформите это письменно.

— Зачем?

— Чтобы рекомендации были одинаковыми для обеих сторон.

— У меня нет обязанности выдавать вам инструкцию.

— Но ему выдали.

— Это служебная отметка, а не инструкция.

— Она находится в производстве и касается его прав.

— И что вы хотите?

— Чтобы в деле было отражено: должнику также разъяснено право фиксировать факты исполнения и неявки взыскателя.

— Взыскатель ещё ни разу не являлся.

— Значит, пока это гипотетическая ситуация. Как болезнь ребёнка.

Пристав положила ручку.

— Вы снова начинаете.

— Я заканчиваю. Просто прошу равных разъяснений.

Елена Викторовна открыла электронную карточку.

Несколько секунд печатала.

— Всё. Внесла.

— Что именно?

— Должнику разъяснено право предоставлять доказательства исполнения.

— Можно увидеть?

— Это внутренняя запись.

— Тогда прошу копию после ознакомления.

— Подайте заявление.

Лина записала ещё один пункт.

Она уже не удивлялась.

Каждый ответ открывал новый документ, который следовало запросить.

Каждый запрос создавал срок.

Каждый срок — возможность потерять время.

В пятнадцать десять Елена Викторовна сказала:

— Заканчивайте.

— Вы обещали добавить пятнадцать минут.

— Сейчас пятнадцать десять.

— Я начала в четырнадцать двадцать одну.

— Вы успели ознакомиться.

— Не со всем.

— Осталось четыре листа.

Лина быстро сфотографировала последние страницы.

На предпоследней находился новый акт.

Дата — вчера.

Время — восемнадцать ноль пять.

Алексей сообщал, что Лина передала ребёнка, но отказалась подписать акт о компенсации задолженности.

Внизу стояла фраза:

Поведение должника свидетельствует об отсутствии намерения добровольно урегулировать образо-

вавшееся нарушение.

— Я отказалась подписать его текст, потому что не признаю задолженность, — сказала Лина.

— Представьте возражения.

— Он написал, что я отказалась урегулировать.

— Это его позиция.

— Но она уже подшита.

— Любой документ стороны подшивается.

— Мои приложения лежали отдельно.

Елена Викторовна закрыла папку.

— Ознакомление окончено.

Лина посмотрела на последний лист.

— Я не сфотографировала оборот.

Пристав открыла папку.

Перевернула страницу.

Оборот был пуст.

Лина всё равно сделала снимок.

Пустые страницы тоже иногда имели значение.

На них нельзя было дописать что-то позже, не изменив вид дела.

Она подписала лист ознакомления:

С материалами ознакомлена путём фотографирования. На момент ознакомления часть приложений к моим объяснениям находилась вне материалов исполнительного производства и была приобщена в моём присутствии. С порядком расположения и полнотой

материалов не согласна.

Елена Викторовна прочитала.

— Вы не можете писать здесь объяснение.

— Могу указать замечания к ознакомлению.

— Для этого есть отдельное заявление.

— Тогда считайте это кратким замечанием. Подробное подам через канцелярию.

— Пишите что хотите.

Лина поставила подпись.

Дата.

Время окончания.

Пятнадцать часов четырнадцать минут.

За дверью уже ждал следующий человек.

На улице она позвонила Вере Михайловне.

— Вы всё сфотографировали?

— Да. Каждую страницу.

— Хорошо. Отправите архивом.

— Моих приложений не было в папке.

— Совсем?

— Они лежали отдельно у пристава. Она подшила их при мне.

— Входящий номер есть?

— На перечне приложений и первой странице справки.

— Этого достаточно, чтобы подтвердить дату подачи.

— Новые пояснения Алексея, поданные позже, уже находились в деле.

— Зафиксировали?

— Да.

— Что ещё?

Лина перечислила:

неполную справку полиции;

таблицу задолженности;

резолюцию «учесть при проверке последующего исполнения»;

служебную отметку с рекомендацией Алексею вести непрерывную запись;

отсутствие аналогичного письменного разъяснения для неё;

почти одинаковые формулировки в заявлении и постановлении;

дополнительный приём Алексея во время назначенного ей ознакомления.

Вера Михайловна молчала.

— Это предвзятость? — спросила Лина.

— Пока это совокупность обстоятельств, которые могут на неё указывать.

— То есть недостаточно?

— Для уверенного обвинения в личной заинтересованности — недостаточно.

— Они могут быть знакомы?

— Могут. Могут не быть. Не нужно строить позицию на предположении.

— Но она принимает его без записи.

— Зафиксируем.

— Объясняет, как составлять акты.

— Это само по себе допустимо.

— Только ему.

— Вот это уже важно.

— Его документы подшивают сразу. Мои лежат отдельно.

— Техническая задержка возможна.

— Всё по отдельности можно объяснить.

— Да.

— А вместе?

— Вместе это требует внимательного наблюдения и фиксации.

Лина остановилась возле дороги.

Мимо проехала машина, похожая на автомобиль Алексея.

Она проводила её взглядом.

Номер был другой.

— Мне кажется, она уже решила, кто прав.

— Возможно.

— И что делать?

— Не доказывать её отношение. Заставлять выносить письменные решения по каждому значимому вопросу.

— Зачем?

— Разговор можно пересказать. Ходатайство нужно рас-

смотреть. Постановление можно обжаловать.

— Она на всё отвечает: «Подавайте письменно».

— Подавайте.

— Тогда моя папка станет ещё толще.

— В этом и смысл.

— Какой?

— Если устное отношение нельзя доказать, фиксируйте его последствия.

Лина вспомнила смех за дверью.

Обращение по имени и отчеству.

Раздражение на каждый её вопрос.

Она не могла приложить ощущение к жалобе.

Но могла приложить:

дату приёма;

время ожидания;

порядок подшивки;

резолюцию;

неполный документ;

письменные ответы;

отказ выдать копию;

содержание постановления.

— Я поняла, — сказала она.

— Сегодня же подготовим три ходатайства.

— Какие?

— О признании расчёта задолженности частным мнением взыскателя и отсутствии правовых оснований учитывать

часы как долг. О приобщении полной переписки в хронологическом порядке. И о фиксации права обеих сторон предоставлять фото- и видеодоказательства времени передачи.

— Ещё просьбу дать оценку его отказу от переносов.

— Добавим.

— И тому, что он заранее написал о намерении приехать к пустому дому.

— Да.

— Она скажет, что это не относится к исполнению.

— Пусть скажет письменно.

Эта фраза стала новым правилом.

Не убеждать.

Просить ответить письменно.

Дома Лина перенесла фотографии на ноутбук.

Получилось сто восемьдесят четыре снимка.

Некоторые страницы она фотографировала дважды.

Несколько — трижды.

Проверила резкость.

Разложила по папкам.

01. Постановление.

02. Заявление взыскателя.

03. Акты.

04. Переписка, представленная Алексеем.

05. Материалы полиции.

06. Мои объяснения.

07. Неподшитые приложения.

08. Таблица задолженности.

09. Рекомендации взыскателю.

Павел сидел рядом.

— Почему «взыскателю», а не «Алексею»?

— Потому что так он называется в производстве.

— А твоя папка почему «мои объяснения», а не «должник»?

Лина посмотрела на экран.

— Потому что я не хочу так себя называть.

— Но они называют.

— Они — могут.

— А ты нет?

— Я никому не должна ребёнка.

— Тогда зачем выполнять график?

— Потому что Юлия имеет право общаться с отцом.

— Если он нормальный.

— Если безопасно.

— А если нет?

— Тогда придётся это доказывать.

Павел взял лист бумаги.

На одной стороне написал:

ВЗЫСКАТЕЛЬ.

На другой:

МАМА.

Положил на стол.

— Что это? — спросила Лина.

— То, как они вас называют.

— Почему не написал «должник»?

— Потому что ты не должник.

— А почему он взыскатель?

Павел подумал.

Перечеркнул первое слово.

Написал:

ПАПА.

— Так правильно.

Два слова лежали рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.